

В начале 1834 года Гоголь был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности. Это была дань Московью его заслугам перед литературой.

Через год вышли в свет «Миргород» и «Арабески» — сочинения, на которые Москва откликнулась значительными отзывами в кругу московских друзей комедии. Она называлась «Иезиак». Пьесу он читал дома у Погодина, она имела выдающийся успех.

«Читал Гоголь так... — вспоминал об этом читатель Погодин, — как едва ли кто может читать. Это был верный умиленческий совершенствователь. Когда дошло дело до любопытного объяснения у женщины с невесткою — «с которой черниры вы были в прошлое воскресенье? Какой цветон больше любите?», — прерывавшего трюхантским молчанием, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели буквально покатывались со смеху, а он как ни в чем не бывало молчал и поводил только глазами.

Проезжая через Москву, Гоголь понах на у кого не останавливается, а предпочитает место в гостинице. Короткость его отношений с москвичами еще не достигла такой степени, чтоб запросто посещать у кого-либо из них. Но настает время, и Гоголь берет Москву не только почтовой станцией на пути из Петербурга и обратно, а тем местом, где и будет, если не считать родового гнезда в Васильевке, его дом в России.

Первым постоянным обитателем Гоголя в Москве делается усадьба Погодина на Девином поле. Место Погодин выбрал тихое, патриархальное — как раз то, что любил Гоголь. Гоголь поселился здесь 26 сентября 1839 года, когда они вместе с Погодиным приехали в Москву из-за границы.

Москва встретила Гоголя как сына. Всюду ему были рады, всюду его появление вызывало восторг. «Вы привезли с собою в подарок русской литературе всеобщее Пасхальное, — писал Н. Калайдович Погодину, — теперь только разговор, что о Гоголе... Только и слышны, что читают из «Вечера на хуторе», из «Миргорода», из «Арабесков». Петербург жалеет, что потерял одного из достойнейших литераторов».

Но Петербург более не влек Гоголя. В Петербурге не было Пушкина. В Петербурге был убит Пушкин. Гоголь вернулся в Россию, не доверившись первому тому «Мертвых душ», — вернулся, чтоб забрать из института сестер и пристроить их. Сюда, в дом Погодина, он и привез их из Петербурга, сюда же поводить себя с сыном в марте 1840 года приехала и Мария Ивановна Гоголь с дочерью Ольгой.

Сохранился план погодинского участка. Дом с флигелями и подсобные службы занимают на нем немного места. Основное пространство отдано саду и парку, посреди которых выделяется четырехугольник пруда. По свидетельству сына Погодина, сад и парк были довольно густы. В них часто пели соловьи. Но иногда соловьев развешивали в клетках среди кустов и деревьев, чтобы они улаживали слух гостей своим пением. Этот парк стал в биографии Гоголя в некотором роде историческим. Здесь в 1840, 1842, 1849 в 1850 годах он отмечал день своих именин — день Николая Вешнего (по старому стилю 9 мая).

В доме Погодина Гоголь продолжал отдуваться первый том «Мертвых душ», здесь он писал «Тяжбу», вторую редакцию «Портрета», переписывал по требованию цензуры повесть о капитане Копейкине, работал над «Римом», возможно, «Шинелью». Гоголь любил это место из-за его положения в столице. Отсюда хорошо было совершать пешим прогулки по окрестностям Москвы, на Воробьевы горы, в Новодевичий монастырь, где каждый кирпич в стене говорил о русской истории.

В доме Погодина он чувствовал себя «спокойно». «До обеда он никогда не сходил вниз в общие комнаты, — вспоминает сын Погодина, — обаял же всегда со всеми людьми, и немалым было число посетителей и шутливых... После обеда до семи часов вечера он уединялся и себе, и в это время и мне уже никто не входил: в семь часов он спускался вниз, широким распахивал двери всей анфилады

передних комнат, и начиналось комедианье, а походить было где: дом был очень велик... Три комнаты в нижнем этаже занимал кабинет Погодина, куда собиралась по вечерам литература, профессора университета. В доле помещались и известное погодинское собрание портретов, рукописей, личных вещей знаменитых русских людей, Гоголь любил порхать в этих бумагах, пощупать их руками, что называется, на цвет и на вид — всякая подлинность в отношении минувшего была для него дорога.

В своей поэме он называл себя «историком предлагаемых событий». Он был историком — историком современного России, в чертах которой угадывались вместе с тем и отголоски плена времен отошедших. «Мертвые души» слышном бы сузились, если б в них присутствовала idea современности, необходимо было раздуть их флюи, ввести в ткань историческую перспективу, дух этой исторической перспективы. Тема 1812 года, которая начинала звучать в первой части поэмы, протягивала нить и

сал Н. М. Языкову, с которым сошелся в Риме. «Меня, как ты уже я думаю знаешь, предательски завели в Петербург; там я пять дней томился. Погода мерзкая именно тупая. Но я теперь в Москве и вижу чудную разницу в климате. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, переде мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души — Заворачивали и тут морозы, мели метели, но не было этой болотной мороси, пробирающей до костей влаги, ветра с Невы, который, проносясь по голым проспектам, готов был унести с собой и прохожего. В Москве если и налетал ветер, то быстро затухал в тесных переулках, стихал, пытался пробиться по кривым улочкам, тупикам, сивцевым вражкам и собачьим площадкам. И печка здесь долгие хранила тепло, и деревянные стены особняков защищали владельцев.

В апреле 1842 года в университетский никому не принес пользы. Погодин даже плакал, прочитав эти строки. И хотя имя Погодина не было полностью названо в книге, а зашифровано словами «один мой приятель» и буковой «П», все узнали, о ком идет речь. Постоянные требования Погодина что-либо дать для журнала, чем-то литературным заплатить за гостеприимство, которое он оказывал Гоголю, раздражали Гоголя. Казалось, Погодин имеет какое-то право собственности на него. В конце декабря Гоголь перебрался в дом Талызина на Никитском бульваре — дом, в котором жил граф А. П. Толстой. Это было просторное строение с каменным первым этажом и деревянным вторым. Выходя боковой стороной на Никитский, дом смотрел в маленький сквер, засаженный деревьями. Гоголь занял две комнаты в нижнем этаже справа

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ БИОГРАФИЙ

в более далекие времена, может быть, в любимые Гоголем годы русского средневековья — то есть в шестнадцатый и семнадцатый века, когда рождалась судьба Московского государства.

Одним из первых, кого посетил Гоголь в этот приезд в Москву, были Аксаковы. Как пишет С. Т. Аксаков, здесь не узнали Гоголя. В 1835 году он был еще совсем молодой человек, огниста сманивающий на своего персонажа — Ивана Александровича Хлестакова. Было в его манерах что-то преувеличенно стоничное, что бросалось в глаза придирчивым и петербургским жителям москвичам. Было в его походе, жестах, привычке обращаться к окружающим что-то легкое, подпрыгивающее: теперь это была другая человек.

«Прерванные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам; красивые усы эспаньолки довершали перемену; все черты лица получили совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил, выражались доброту, веселость и любовь ко всем; когда же он молчал или задумывался, то сейчас изобразалось в них серьезное усуреление и чему-то высокому».

Приехав в Москву, Гоголь пошел смотреть «Ревизора». Эта встреча автора со своим деспичем не принесла ему радости. Большой театр, где давалось представление, был полон. Вся дворянская интеллигенция, прослышав о присутствии в театре автора, повалила сюда. Все пять ярусов, и ложи, и партер ждали появления Гоголя. Он появился перед самым открытием занавеса, тихо прошел в ложу Чертковых и затаялся. Он не любил публичного изъяснения чувств, публичного восторга и вообще всякой публичности.

И когда в конце третьего акта раздался громкий крик: «Автор! Автор!» — он вышел из ложи и уехал. Т. Н. Грановский, присутствовавший на спектакле, писал Н. Станкевичу: «Сочинитель уехал, не желая тешишь зрителя появлением своим особы. За это его ужасно поносили. Мне стало даже казаться, как будто человек обязан отдавать себя на волю публики, да еще и мой!»

Поэма Гоголь признавалась С. Т. Аксакову, что хотел бы сам доставить «Ревизора» на домашней сцене. При этом роль городничего он предназначал Сергею Тимофеевичу, а Хлестакова оставлял себе. Этому желанию Гоголя не суждено было сбыться. 6 апреля в «Московских ведомостях» появилось объявление следующего рода: «Нечто, не имеющий собственного зина-паза, ищет попущения до Венн, имеющего собственный зинапаж на половинных издержках... Спросить на Девином Поле, в доме Погодина, Николая Васильевича Гоголя».

Гоголь собрался за границу. Его ждали Рим и окончание первого тома поэмы. «Это были «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь вновь остановился у Погодина, но отношения с ним вконец испортились. В одной из статей «Переписки» Гоголь больно задел Погодина, назвав его «неразумным писателем и трудолюбивым муравьем, ко-

тотский никому не принес пользы. Погодин даже плакал, прочитав эти строки. И хотя имя Погодина не было полностью названо в книге, а зашифровано словами «один мой приятель» и буковой «П», все узнали, о ком идет речь.

«Первые вырученные деньги обращались в уплату следующим: Сергееву — 1500, Шевыреву — 1900, Павлову — 1500, Хомякову — 1500, Погодину — 1500... Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину — 6 000, Аксакову — 2 000».

Все эти годы, пока писалась поэма, Гоголь жил в долг. Вспомоществование от государя, от наследника тоже были долгом — и хотя их не приходилось отдавать, долг этот лежал на душе. 9 мая 1842 года Гоголь писал Данилевскому из Москвы: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные «Мертвые Души», преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится по мне и разрешит, наконец, загадку моего существования».

Он опять направлялся в дальние края. Нужно было проветриться, развешаться, дать собраться мыслям, вновь отвлечься от России, про которую он возненавидел, что она лучше видна ему издалека, на расстоянии. Это было заблуждение, но заблуждение, в котором он успел — за годы жизни на чужбине — укрепиться. Нужны были новые потрясения и переживания, чтоб он стал думать иначе. ***

Гоголь вернулся в Москву лишь осенью 1848 года. Позади были, быть может, самые трудные годы его жизни. Это были и годы болезней, душевных кризисов, годы писания и сожжения написанного, годы, когда Гоголь думал все оставить поприще литературы, которое казалось ему утратившим свое значение. Но он не оставил его. В эти годы «антракта», как назвал их сам Гоголь, родилась его новая книга — книга, которая не походила ни на какие другие: поэма не поэма, роман не роман, книга без названия и без жанра, просто исповедь, с которой он решился обратиться ко всем в России — от царя до мелкого чиновника. Это были «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь вновь остановился у Погодина, но отношения с ним вконец испортились. В одной из статей «Переписки» Гоголь больно задел Погодина, назвав его «неразумным писателем и трудолюбивым муравьем, ко-

торый никому не принес пользы. Погодин даже плакал, прочитав эти строки. И хотя имя Погодина не было полностью названо в книге, а зашифровано словами «один мой приятель» и буковой «П», все узнали, о ком идет речь.

Дом у Никитских ворот стал последним пристанищем Гоголя в Москве. Тут он прожил с перерывами три с лишним года. Это была уже не окраина столицы, отсюда рукой было подать до Кремля, до театров, до шумной Тверской. Если выйти из ворот дома налево, то вскоре можно было достигнуть Страстного монастыря, помещавшегося на вышедшей Пушкинской площади. Тут же, в двух шагах от монастыря, находились Английский клуб и гостиница «Дрезден», в которой останавливался, когда приезжал в Москву, А. О. Смирнов. Неподдалеку от этого здания жил московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист, с которым Гоголь был знаком с детства.

Гоголь довольно часто бывал в доме у И. В. Капниста, читал хозяину свои сочинения, чувствуя себя здесь застарело, хотя Капнист был статский генерал, а Гоголь с детства недолюбливал генералов. Двоюродный брат матери Гоголя — А. А. Троцинский был генерал-майор, когда он приезжал в Васильевку, все в доме вставало вверх дном. Чистились комнаты, мать и сестры принарядились, батюшка нервноичал, волнение передавалось и прислуге. Даже бродячие псы, которых немало водилось в открытой для всякого проезжего и прохожего барской усадьбе, как-то поджимали хвосты и лаяли не так громко.

Эти сцены Гоголь хорошо запомнил. Позже он не раз встречался с генералами и всегда избегал их. Они тоже не очень замечали его, но по мере того, как слава его росла, приходилось и им обращать внимание на знаменитого «Госеля» (царь, например, так и не научился правильно произносить фамилию автора «Мертвых душ»), даже вступать с ним в разговоры, высказывая свою просвещенность и благосклонность к изящной словесности.

Но всякий раз, когда кто-нибудь из них пробовал перейти с Гоголем на короткую ногу, показывая этим, что различия в чине не существуют, тот без размышления прерывал такие попытки. Однажды, находясь в гостях у И. В. Капниста, Гоголь был в хорошем расположении духа, веселил гостей, показывая им в живых картины сцены из басен Крылова. Вдруг приехал «значительное лицо». Капнист, желая смягчить некое напряжение, возникшее из-за этого приезда, представлял Гоголя гостю, сияя: «Рекомендую вам моего доброго знакомого, хохла, как и я, Гоголя». Генерал изобразил на лице улыбку и учтиво произнес: «Мне не случалось, кажется, ставляться с вами». Гоголь резко ответил: «Быть может, ваше превосходительство, это для меня большое счастье, потому что я человек большой и слабый, которому вредно всякое столновение».

Генерал сделался бледен. Был это М. Н. Муравьев, впоследствии знаменитый под именем Муравьева-вешателя.

Хозяин Гоголя, у которого он теперь жил, тоже был генерал, но с ним отношения были иные. Гоголь был благодарен ему за приют, за возможность спокойно работать (Толстой не вмешивался в дела постояльца), гость и хозяин встречались лишь за обедом и ужином, каждый жил своей жизнью — и эту свободу их соседства ценил Гоголь. Для работы он избрал себе ту комнату, которая выходила окнами во двор. В проеме между окнами выросла конторка, встал широкий стол, на котором он разложил нужные для писания книги; у противоположной стены полукругом уютно расположились диван, гостиный столик, кресла. Высокая кафельная печь тепло обогревала комнату. Во второй комнате за ширмами спряталась одинокая кровать. Тут, кроме кровати, ширм и иконы в углу, ничего не было.

«Меня, как ты уже я думаю знаешь, предательски завели в Петербург; там я пять дней томился. Погода мерзкая именно тупая. Но я теперь в Москве и вижу чудную разницу в климате. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, переде мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души — Заворачивали и тут морозы, мели метели, но не было этой болотной мороси, пробирающей до костей влаги, ветра с Невы, который, проносясь по голым проспектам, готов был унести с собой и прохожего. В Москве если и налетал ветер, то быстро затухал в тесных переулках, стихал, пытался пробиться по кривым улочкам, тупикам, сивцевым вражкам и собачьим площадкам. И печка здесь долгие хранила тепло, и деревянные стены особняков защищали владельцев.

«Первые вырученные деньги обращались в уплату следующим: Сергееву — 1500, Шевыреву — 1900, Павлову — 1500, Хомякову — 1500, Погодину — 1500... Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину — 6 000, Аксакову — 2 000».

Памятник Н. В. Гоголю на Суворовском бульваре в Москве. Скульптор Н. А. АНДРЕЕВ.

«Он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григорьевича, Гончарова отыскался столько похвал, что «это все явления удивительные для будущего», — говорил он. — Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорожку».

«После Н. В. Гоголя, — писал С. П. Шевырев, — осталось в моих руках от благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством, — 233 рубля 87 коп. Его карманных денег — остаток от вырученных за второе издание «Мертвых душ» — 170 р. 10 к.»

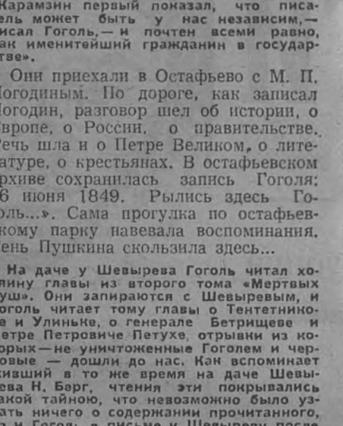
Живя в долг, не имея собственного угла, он привык обходиться самым насущным, не думая об удовольствиях, которые позволяли себе люди его звания. Он отказался в пользу матери от своей доли в именье, он послал деньги сестрам, раздавал их крестьянам в Васильевке, помогал тем, у кого пал скот или покосилась хага, кто не от праздности, а от болезни или неврожания впадал в бедность.

При нем постоянно была только одна движимость-недвижимость — его портфель с рукописями. Это было и его имущество, и богатство. К нему присоединялся один дорожный чемодан. Но чемодан этот уже более не упакывался. Наступил январь 1852 года. Гоголь все еще был бодр, выезжал с визитами, правил корректуру собрания сочинений. «Мертвые души» были готовы и переписаны. Все ждали отдачи их в цензуру, а затем и в печать.

Внезапно настроение Гоголя переменялось. Он передумал печатать второй том и занемог. 26 января неожиданно умерла Екатерина Михайловна Хомякова, родная сестра поэта Языкова. К этой женщине Гоголь был нежно привязан, ее сына, названного Николаем, крестил. Хомякова умерла совсем молодой. Эта смерть, как в свое время и смерть Иосифа Вьельгорского, действовала на Гоголя сильно. «Теперь для меня все кончено», — сказал он Хомякову. Он не являлся на похороны и заперся дома.

«Меня, как ты уже я думаю знаешь, предательски завели в Петербург; там я пять дней томился. Погода мерзкая именно тупая. Но я теперь в Москве и вижу чудную разницу в климате. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, переде мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души — Заворачивали и тут морозы, мели метели, но не было этой болотной мороси, пробирающей до костей влаги, ветра с Невы, который, проносясь по голым проспектам, готов был унести с собой и прохожего. В Москве если и налетал ветер, то быстро затухал в тесных переулках, стихал, пытался пробиться по кривым улочкам, тупикам, сивцевым вражкам и собачьим площадкам. И печка здесь долгие хранила тепло, и деревянные стены особняков защищали владельцев.

«Первые вырученные деньги обращались в уплату следующим: Сергееву — 1500, Шевыреву — 1900, Павлову — 1500, Хомякову — 1500, Погодину — 1500... Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину — 6 000, Аксакову — 2 000».

Памятник Н. В. Гоголю на Суворовском бульваре в Москве. Скульптор Н. А. АНДРЕЕВ.

«Он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григорьевича, Гончарова отыскался столько похвал, что «это все явления удивительные для будущего», — говорил он. — Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорожку».

«После Н. В. Гоголя, — писал С. П. Шевырев, — осталось в моих руках от благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством, — 233 рубля 87 коп. Его карманных денег — остаток от вырученных за второе издание «Мертвых душ» — 170 р. 10 к.»

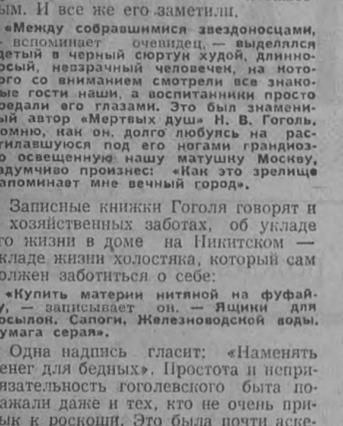
Живя в долг, не имея собственного угла, он привык обходиться самым насущным, не думая об удовольствиях, которые позволяли себе люди его звания. Он отказался в пользу матери от своей доли в именье, он послал деньги сестрам, раздавал их крестьянам в Васильевке, помогал тем, у кого пал скот или покосилась хага, кто не от праздности, а от болезни или неврожания впадал в бедность.

При нем постоянно была только одна движимость-недвижимость — его портфель с рукописями. Это было и его имущество, и богатство. К нему присоединялся один дорожный чемодан. Но чемодан этот уже более не упакывался. Наступил январь 1852 года. Гоголь все еще был бодр, выезжал с визитами, правил корректуру собрания сочинений. «Мертвые души» были готовы и переписаны. Все ждали отдачи их в цензуру, а затем и в печать.

Внезапно настроение Гоголя переменялось. Он передумал печатать второй том и занемог. 26 января неожиданно умерла Екатерина Михайловна Хомякова, родная сестра поэта Языкова. К этой женщине Гоголь был нежно привязан, ее сына, названного Николаем, крестил. Хомякова умерла совсем молодой. Эта смерть, как в свое время и смерть Иосифа Вьельгорского, действовала на Гоголя сильно. «Теперь для меня все кончено», — сказал он Хомякову. Он не являлся на похороны и заперся дома.

«Меня, как ты уже я думаю знаешь, предательски завели в Петербург; там я пять дней томился. Погода мерзкая именно тупая. Но я теперь в Москве и вижу чудную разницу в климате. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, переде мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души — Заворачивали и тут морозы, мели метели, но не было этой болотной мороси, пробирающей до костей влаги, ветра с Невы, который, проносясь по голым проспектам, готов был унести с собой и прохожего. В Москве если и налетал ветер, то быстро затухал в тесных переулках, стихал, пытался пробиться по кривым улочкам, тупикам, сивцевым вражкам и собачьим площадкам. И печка здесь долгие хранила тепло, и деревянные стены особняков защищали владельцев.

«Первые вырученные деньги обращались в уплату следующим: Сергееву — 1500, Шевыреву — 1900, Павлову — 1500, Хомякову — 1500, Погодину — 1500... Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину — 6 000, Аксакову — 2 000».

Памятник Н. В. Гоголю на Суворовском бульваре в Москве. Скульптор Н. А. АНДРЕЕВ.

«Он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григорьевича, Гончарова отыскался столько похвал, что «это все явления удивительные для будущего», — говорил он. — Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорожку».

«После Н. В. Гоголя, — писал С. П. Шевырев, — осталось в моих руках от благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством, — 233 рубля 87 коп. Его карманных денег — остаток от вырученных за второе издание «Мертвых душ» — 170 р. 10 к.»

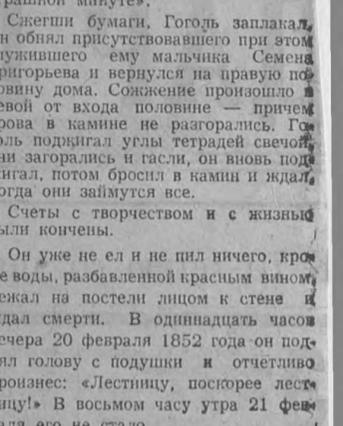
Живя в долг, не имея собственного угла, он привык обходиться самым насущным, не думая об удовольствиях, которые позволяли себе люди его звания. Он отказался в пользу матери от своей доли в именье, он послал деньги сестрам, раздавал их крестьянам в Васильевке, помогал тем, у кого пал скот или покосилась хага, кто не от праздности, а от болезни или неврожания впадал в бедность.

При нем постоянно была только одна движимость-недвижимость — его портфель с рукописями. Это было и его имущество, и богатство. К нему присоединялся один дорожный чемодан. Но чемодан этот уже более не упакывался. Наступил январь 1852 года. Гоголь все еще был бодр, выезжал с визитами, правил корректуру собрания сочинений. «Мертвые души» были готовы и переписаны. Все ждали отдачи их в цензуру, а затем и в печать.

Внезапно настроение Гоголя переменялось. Он передумал печатать второй том и занемог. 26 января неожиданно умерла Екатерина Михайловна Хомякова, родная сестра поэта Языкова. К этой женщине Гоголь был нежно привязан, ее сына, названного Николаем, крестил. Хомякова умерла совсем молодой. Эта смерть, как в свое время и смерть Иосифа Вьельгорского, действовала на Гоголя сильно. «Теперь для меня все кончено», — сказал он Хомякову. Он не являлся на похороны и заперся дома.

«Меня, как ты уже я думаю знаешь, предательски завели в Петербург; там я пять дней томился. Погода мерзкая именно тупая. Но я теперь в Москве и вижу чудную разницу в климате. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, переде мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души — Заворачивали и тут морозы, мели метели, но не было этой болотной мороси, пробирающей до костей влаги, ветра с Невы, который, проносясь по голым проспектам, готов был унести с собой и прохожего. В Москве если и налетал ветер, то быстро затухал в тесных переулках, стихал, пытался пробиться по кривым улочкам, тупикам, сивцевым вражкам и собачьим площадкам. И печка здесь долгие хранила тепло, и деревянные стены особняков защищали владельцев.

«Первые вырученные деньги обращались в уплату следующим: Сергееву — 1500, Шевыреву — 1900, Павлову — 1500, Хомякову — 1500, Погодину — 1500... Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину — 6 000, Аксакову — 2 000».

Памятник Н. В. Гоголю на Суворовском бульваре в Москве. Скульптор Н. А. АНДРЕЕВ.

«Он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григорьевича, Гончарова отыскался столько похвал, что «это все явления удивительные для будущего», — говорил он. — Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорожку».

«После Н. В. Гоголя, — писал С. П. Шевырев, — осталось в моих руках от благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством, — 233 рубля 87 коп. Его карманных денег — остаток от вырученных за второе издание «Мертвых душ» — 170 р. 10 к.»

Живя в долг, не имея собственного угла, он привык обходиться самым насущным, не думая об удовольствиях, которые позволяли себе люди его звания. Он отказался в пользу матери от своей доли в именье, он послал деньги сестрам, раздавал их крестьянам в Васильевке, помогал тем, у кого пал скот или покосилась хага, кто не от праздности, а от болезни или неврожания впадал в бедность.

При нем постоянно была только одна движимость-недвижимость — его портфель с рукописями. Это было и его имущество, и богатство. К нему присоединялся один дорожный чемодан. Но чемодан этот уже более не упакывался. Наступил январь 1852 года. Гоголь все еще был бодр, выезжал с визитами, правил корректуру собрания сочинений. «Мертвые души» были готовы и переписаны. Все ждали отдачи их в цензуру, а затем и в печать.

Внезапно настроение Гоголя переменялось. Он передумал печатать второй том и занемог. 26 января неожиданно умерла Екатерина Михайловна Хомякова, родная сестра поэта Языкова. К этой женщине Гоголь был нежно привязан, ее сына, названного Николаем, крестил. Хомякова умерла совсем молодой. Эта смерть, как в свое время и смерть Иосифа Вьельгорского, действовала на Гоголя сильно. «Теперь для меня все кончено», — сказал он Хомякову. Он не являлся на похороны и заперся дома.